

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров¹

Аннотация. В статье подробно проанализированы высказанные в доктрине точки зрения на правовую природу цифровых финансовых активов, цифровой валюты, а также критические замечания относительно предложенной автором категории «цифровое имущество», которая автором обоснована в ряде работ. В настоящем исследовании аргументируется правовая позиция о том, что цифровые финансовые активы и цифровая валюта являются самостоятельными объектами гражданского права, входящими в группу «цифровое имущество». Подробно рассмотрены аргументы оппонентов о том, что цифровые финансовые активы нельзя рассматривать в качестве самостоятельного объекта гражданского права, поскольку они представляют собой оцифрованные ценные бумаги — объект давно известный гражданскому праву. Автор доказывает, что токенизация «прав из бумаги» серьезно изменила их правовой режим, что дает основание для вывода о том, что токены на виртуальные ценные бумаги (цифровые финансовые активы) в настоящее время являются самостоятельным объектом гражданского права. Цифровая валюта и цифровые финансовые активы входят в состав цифрового имущества. Цифровое имущество может становиться объектом относительных и абсолютных цифровых прав.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, криптовалюта, токены, токенизированные активы цифровое имущество, цифровые активы, нематериальное имущество.

**Людмила Георгиевна
ЕФИМОВА,**

заведующий кафедрой
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
elg007@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.025-039

Liudmila G. EFIMOVA,

Head of the Banking Law Department,
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Full Professor
elg007@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Concept of Digital Property in the Context of Doctrinal Disputes

Abstract. The article analyzes in detail the points of view expressed in the doctrine on the legal nature of digital financial assets, digital currency, as well as critical comments regarding the category of “digital property” proposed by the author, which the author substantiated in a number of his other works. In

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», направления «Киберправо».

the work, the author argues the legal position that digital financial assets and digital currency are independent objects of civil law, included in the group called “digital property.” The opponents’ arguments that digital financial assets cannot be considered as an independent object of civil law, since they are digitized securities — an object long known to civil law — are examined in detail. The author proves that the tokenization of “paper rights” has seriously changed their legal regime, which gives grounds for the conclusion that tokens for virtual securities (digital financial assets) are currently an independent object of civil law. Digital currency and digital financial assets are part of digital property. Digital property can become the subject of relative and absolute digital rights.

Keywords: *digital financial assets, digital currency, cryptocurrency, tokens, tokenized assets, digital property, digital assets, intangible property.*

Техническая революция породила не только новый способ фиксации гражданских прав — распределенный реестр², но также новые объекты гражданского права, правовая природа которых вызывает постоянные споры в литературе. Много споров вызывают понятие и правовая природа цифрового имущества.

В первом приближении под цифровым имуществом следует понимать любое имущество в виде цифрового кода. Однако это утверждение вряд ли можно считать серьезным определением цифрового имущества, поскольку такое имущество неоднородно.

Для определения правовой природы цифрового имущества (цифровых активов) необходимо уточнить его место среди других видов имущества, существующих в цифровом формате.

В зависимости от того, каким образом имущество, существующее «в цифре», объективировано в киберпространстве, различают токенизированное и нетокенизированное имущество. Соответственно, любое имущество, которое учитывается в распределенном реестре в форме токена, является токенизированным. Имущество, которое не учитывается в распределенном реестре, является нетокенизированным, поскольку для его появления в киберпространстве не требуется выпуск токенов. Однако нетокенизированное имущество может перейти в категорию токенизированного имущества, если после его появления в информационной среде принимается решение, что дальнейший учет прав на него будет осуществляться в форме токенов в распределенном реестре.

Примерами нетокенизированного имущества могут быть «произведения» ChatGPT, игровое имущество, картины, созданные искусственным интеллектом, и т.п.

² В соответствии с ч. 7 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под распределенным реестром понимается совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма).

Токенизированное имущество также является неоднородной категорией. В зависимости от функции, которую выполняют токены на это имущество, различают традиционное имущество, оставшееся в реальном мире, и цифровое токенизированное имущество.

В отношении традиционного имущества, оставшегося в реальном мире, токены выполняют функцию фиксации гражданских прав на это имущество (токены первого вида), а сами права также являются традиционными (право собственности, исключительное право, обязательственное право и т.п.). Можно назвать следующий дополнительный признак токенов первого вида. Если такие токены по разным причинам не будут выпущены, то имущество из реального мира не перестанет существовать, не исчезнут также и права на это имущество, просто такие права будут удостоверяться иным способом. Таким образом, токены первого вида выполняют не только функцию фиксации гражданских прав, но и доказательственную функцию.

Токены на цифровое имущество не только фиксируют права на это имущество, но также выполняют креационную функцию, создают это имущество и сливаются с ним (токены второго вида). Классическим примером такого цифрового имущества является криптовалюта. Токены на некоторые виды цифрового имущества не в полной мере отождествляются с этим имуществом. Например, цифровые финансовые активы — это разновидность токенов на виртуальные ценные бумаги (главным образом на акции и облигации). По этой причине такие токены следовало бы отнести к первой категории токенов. Однако нельзя не учитывать, что без выпуска токенов (IPO) права из виртуальных ценных бумаг вообще не возникнут.

Следовательно, токены на виртуальные ценные бумаги (цифровые финансовые активы) нужны не только для того, чтобы зафиксировать в распределенном реестре соответствующее гражданское право (корпоративное или обязательственное), но и для того, чтобы виртуальные ценные бумаги появились как объект гражданского права. Отсюда следует, что токены на виртуальные ценные бумаги (цифровые финансовые активы) являются цифровым носителем корпоративных или обязательственных прав, которые неизбежно будут подчиняться правовому режиму, установленному законодательством для выпуска и обращения токенов. Поэтому цифровые финансовые активы следует признать самостоятельным объектом гражданского права. Такой вывод был сделан нами в ряде работ³. Он вызвал возражение в литературе, учитывая, что в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о цифровых правах цифровые финансовые активы названы цифровыми правами (т.е. правом, а не объектом прав).

Для решения вопроса о правовой природе цифровых активов необходимо вначале рассмотреть правовые позиции, которые были высказаны в литературе. Поскольку выводы исследователей не всегда касаются именно правовой природы

³ *Ефимова Л. Г.* Криптовалюты как объект гражданского права // *Хозяйство и право*. 2019. № 4. С. 17—25. Кроме того, см.: *Efimova L., Sizemova O., Chub D.* Digital Financial Assets: Concept and Legal Nature // *BRICS Law Journal*. 2024. 11 (1). *BRICS Law Journal* 32—57 ; (2024), а также *Ефимова Л. Г.* Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // *Банковское право*. 2021. № 5. С. 7—20.

цифровых активов, а направлены на выяснение правовой природы, например, токенов, вспомним сделанный выше вывод о том, что токены на объекты, которые не существуют в реальном мире, т.е. токены второго вида, фактически отождествляются с таким цифровым имуществом, как цифровые финансовые активы и цифровая валюта. Поэтому выводы исследователей о правовой природе токенов можно применить для определения правовой природы цифровых финансовых активов и цифровой валюты, а также в отношении иных токенизированных цифровых активов.

В литературе нет единства мнений на правовую природу токена по следующим вопросам. Исследователи не могут определиться:

- являются токены объектами гражданских прав или самими гражданскими правами;
- если токены являются объектами гражданских прав, то какие права могут возникать в экономическом обороте по поводу токенов.

По данным проблемам было обосновано несколько теорий.

Цифровые активы — цифровые права. Законодательство предлагает достаточно обширный перечень цифровых финансовых активов. Например, из ст. 1 Закона о цифровых правах следует, что к числу цифровых финансовых активов относятся: 1) цифровые права, удостоверяющие права владельца на денежные требования; 2) права по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренных решением о выпуске цифровых финансовых активов.

Сторонники признания токенов гражданскими правами, которых большинство, предложили использовать для объяснения их правовой природы германскую теорию «право на право»⁴ (Л. Михеева), что является в этом случае единственно возможным выводом. Однако даже при таком подходе все равно получается, что цифровые права являются объектом других гражданских прав.

Цифровые активы — объекты гражданского права. Сторонников признания токенов объектами права в российской литературе не так много, однако некоторые работы все же могут быть отмечены⁵. Такое положение объясняется тем, что в Законе о цифровых правах они определены как цифровые права, а не как объекты гражданских прав.

Большинство перечисленных выше цифровых финансовых активов, известных российскому праву, действительно, воплощают в себе либо обязательственные права (требования), либо корпоративные права, что не удивительно, учитывая, что большинство цифровых финансовых активов являются виртуальными ценными бумагами.

Однако любая обязательственная или корпоративная ценная бумага сама может становиться самостоятельным объектом гражданских прав, по поводу которой заключаются различные гражданско-правовые сделки. Такой же подход

⁴ Цифровые активы в системе объектов гражданских прав / А. Гузнов, Л. Михеева, Л. Новоселова [и др.] // Закон. 2018. № 5.

⁵ Новоселова Л. А., Полежаев О. А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11.

допустим в отношении цифровых активов, включая цифровые финансовые активы. Следовательно, несмотря на то, что цифровые активы воплощают именно различные гражданские права, как и ценные бумаги, их тоже можно считать самостоятельными объектами гражданских прав, учитывая, что они становятся предметом различных гражданско-правовых сделок.

И, наконец, необходимо привести следующий хрестоматийный пример того, что правовую природу некоторых цифровых активов не всегда возможно определить в качестве разновидности обязательственных прав (требований). Например, по мнению FINMA⁶, а также Daniel Haebler и соавторов, чистые «криптовалюты» не дают начало никому праву требования к лицу, выпускающему их, или к третьему лицу. Примерами таких классических криптовалют являются bitcoin или ethereum⁷. В данном случае отсутствует обязанное лицо, которому можно было бы предъявить требование.

На основании изложенного обоснован вывод: несмотря на то, что большинство цифровых активов действительно воплощают в распределенном реестре какие-либо права, их все же допустимо признать самостоятельными объектами гражданских прав, если они представлены токенами второго вида.

Цифровые права — разновидность нематериального имущества⁸. Сторонники признания токенов видом гражданских прав не могут договориться о том, какие гражданские права удостоверяются такими токенами. Значительная группа исследователей полагает, что токены могут удостоверять главным образом обязательственные права⁹ (Л. Михеева). Другие исследователи, напротив, доказывают, что токены могут удостоверять абсолютные права, принадлежащие правообладателю токена, а обязанными лицами являются все остальные третьи лица¹⁰.

Такие взаимно противоречивые взгляды свидетельствуют, что исследователи изучали одно и то же правовое явление с разных сторон. Полагаем возможным объединить эти взгляды, устранив противоречия следующим образом.

⁶ Федеральная служба по надзору за финансовыми рынками Швейцарии. См.: Guide pratique pour les questions d'assujettissement concernant les initial coin offerings (ICO) // Edition du 16 février 2018. P. 3. URL <https://www.finma.ch/fr/autorisation/fintech>.

⁷ Daniel Haebler D., Stefan Oesterhelt S. & Urs Meier U. Homburger. Switzerland // Blockchain & Cryptocurrency Regulation. 1st ed. Zurich, Switzerland : Contributing Editor Josias Dewey, 2019. P. 444. URL: https://media.homburger.ch/karmarun/image/upload/homburger/h1t15_1tm-gli-blch1_ch.pdf.

⁸ Категория нематериального имущества как собирательное понятие было введено в предыдущих работах. См.: Ефимова Л. Г. Технический прогресс и отдельные проблемы гражданского права // Государство и право. 2022. № 10. С. 84—92.

⁹ См.: Цифровые активы в системе объектов гражданских прав / А. Гузнов, Л. Михеева, Л. Новоселова [и др.].

¹⁰ «Записи в блокчейне, ограниченные технологически, представляют собой абсолютные права и по своей природе похожи на вещи: их количество известно, они переходят от владельца к владельцу в строго определенном порядке, они не содержат каких-либо прав требования (подобно ценным бумагам)» (Янковский Р. М. Государство и криптовалюты: проблемы регулирования // Московский государственный университет. 2017. URL: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf>).

Для решения поставленной проблемы необходимо признание особой категории объектов гражданских прав, к которой следует также отнести цифровые активы. Это нематериальное имущество.

Под нематериальным имуществом предлагается понимать любые объекты гражданского права, которые не являются вещами, но обладают стоимостью и становятся достаточно частными объектами современного экономического оборота. Речь пойдет о так называемых бестелесных вещах, или о *res incorporales*. Согласно доктрине англосаксонского права бестелесные вещи могут быть в определенных случаях объектом права собственности и считаются вещами¹¹. Доктрина стран континентального права признает объектом права собственности только предметы материального мира, т.е. настоящие вещи, или *res corporales*. Однако это не означает, что нематериальное имущество не может быть объектом абсолютных правоотношений, аналогичных праву собственности.

Так, М. М. Агарков писал, что «надо будет строго различать два различных правоотношения: а) отношение между кредитором и должником (нарушение возможно лишь со стороны должника) и б) отношение между кредитором и всяким и каждым (нарушение возможно со стороны всякого и каждого)»¹². Таким образом, относительное по своей природе право (требование) может быть объектом абсолютного правоотношения. Просто такие абсолютные правоотношения не называются континентальными юристами правом собственности. Следует учесть, что континентальные юристы начали придумывать новые названия для таких абсолютных правоотношений, складывающихся по поводу нематериального имущества. Так, в российском праве появилось исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности человека, однако сфера его применения ограничена объектами так называемой «интеллектуальной собственности».

Помимо результатов интеллектуальной деятельности в экономическом обороте имеется достаточно много других объектов нематериального имущества, по поводу которых также возникают абсолютные правоотношения, но континентальные юристы предпочитают их не замечать.

Новые объекты цифрового имущества, которые появились благодаря цифровизации экономики, послужили поводом вернуться к старой проблеме, чтобы рассмотреть ее на примере цифрового имущества, которое может существовать только в виде цифровой записи в распределенном или ином реестре.

В тех случаях, когда токен может быть квалифицирован как самостоятельный объект права (цифровая валюта, в том числе криптовалюта, а также цифровые финансовые активы), он становится предметом различных правоотношений — как абсолютных, так и относительных¹³.

¹¹ Обзор точек зрения см.: Сиземова О. Б. О правовой природе криптоактивов в английском праве // Цифровое право в банковской деятельности : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. М. : Проспект, 2021. С. 41 и сл.

¹² Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // М. М. Агарков. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Общее учение о обязательствах и его отдельных видах. С. 38.

¹³ См.: Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7—20.

Когда токен представляет в распределенном реестре новое цифровое имущество, он может быть объектом относительных обязательственных правоотношений в случаях, когда цифровое имущество становится предметом различных гражданско-правовых договоров — договора купли-продажи, договора мены и т.п. Кроме того, такой токен может становиться объектом абсолютных правоотношений, субъектами которых являются правообладатель цифрового имущества и все остальные третьи лица. При этом не имеет значения, что некоторые виды цифрового имущества изначально возникли как обязательственные права (требования). Относительное по своей природе гражданско-правовое отношение становится объектом абсолютного правоотношения между кредитором в обязательстве, которому принадлежит это право (требование), и всеми третьими лицами, которые обязаны воздерживаться от нарушения права кредитора пользоваться своим правом требования.

Абсолютное право, объектом которого являются цифровые активы (цифровая валюта и виртуальные ценные бумаги и т.п.), не относится ни к исключительным правам, ни к праву собственности, хотя и является его аналогом, что косвенно подтвердила британская доктрина. Sir Geoffrey Vos и соавторы¹⁴ из Великобритании писали о том, что криптоактивы следовало бы признать объектом права собственности. Однако континентальная концепция права собственности не дает возможности сделать такой вывод. Объектом права собственности, согласно такой концепции, может быть только вещь.

Объектом абсолютного цифрового права следует считать цифровые финансовые активы, цифровую валюту, а также иные цифровые активы, которые существуют только в киберпространстве, если они не могут быть объектами исключительного права. Например, к таким цифровым активам можно отнести картины, созданные искусственным интеллектом.

Иными словами, речь идет об абсолютном праве на цифровые активы, которое должно быть определено как абсолютное право, отличное от права собственности, которое, однако, предоставляет своему правообладателю правомочия по владению, пользованию и распоряжению цифровыми активами независимо от лица постороннего, абсолютным образом. Такое абсолютное право является аналогом права собственности с одной лишь разницей — его объект не является вещью.

Таким образом, лишенное вещественной формы имущество может становиться объектом абсолютных прав, отличных от права собственности и от исключительного права.

Рассматриваемые абсолютные права должны иметь названия и регулироваться Гражданским кодексом РФ.

¹⁴ См., например: Legal statement on cryptoassets and smart contracts UK Jurisdiction Taskforce. The LawTech Delivery Panel. UK Jurisdiction Taskforce. 2019. P. 7 / Sir Geoffrey Vos (Chancellor of the High Court and Chair of the UKJT) ; Lawrence Akka QC (Twenty Essex) ; Sir Nicholas Green (Chair of the Law Commission of England and Wales, as an observer) [et al.] // URL: https://35z8e83m1ih83drye280o9d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2019/11/6.6056_jo_cryptocurrencies_statement_final_web_111119-1.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

Против выделения категории «цифровое имущество» или «цифровые активы» высказался Е. А. Суханов в статье «О гражданско-правовой природе “цифрового имущества”»¹⁵. В частности, автор пишет, что «цифровые права, объявленные в ст. 128 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ) особым видом имущественных прав, в действительности представляют собой не новый вид субъективных гражданских прав (существующий наряду с корпоративными, обязательственными и исключительными правами), а лишь их новую (цифровую) форму». Кроме того, в аннотации к указанной статье указано, что «цифровое имущество» (“цифровые активы”) и “цифровые права”... в действительности представляют собой не новый вид объектов гражданского (имущественного) оборота, требующий создания особого гражданско-правового режима, а аналогичный “бездокументарным ценным бумагам” технический способ фиксации определенных законом имущественных прав (главным образом обязательственных и корпоративных), осуществление которых возможно лишь с помощью специальных компьютерных технологий в пределах известных информационных систем». Указанный автор пишет, что новый объект гражданского права — это прежде всего новый правовой режим, который отсутствует, когда речь идет о цифровых финансовых активах, поскольку они представляют собой разновидность бездокументарных ценных бумаг, так как это давно известный объект гражданского права, получивший недавно новое воплощение¹⁶.

Отсюда следует, что, по мнению данного автора, цифровые права — это и не субъективные гражданские права, и не новые объекты права, а новое (цифровое) воплощение ранее известных объектов гражданского права.

Далее Е. А. Суханов признает, что «использование цифровых активов, в особенности выпуск (эмиссия) криптовалют, происходит в “децентрализованном” порядке, при отсутствии сколько-нибудь развитого правового регулирования и в условиях анонимности участников». Это порождает риски технического характера и возможность использования цифровых активов в противоправных целях. Решение возникающих проблем, полагает автор, составляет предмет регулирования публичного, а не частного права. В конечном итоге данный автор признал, что до создания для цифровых активов «специального правового режима возможно признание порождаемых ими правоотношений натуральными обязательствами»¹⁷.

Представляется, что необходимо согласиться с базовыми концептуальными выводами этого автора, однако можно обнаружить противоречия в деталях аргументации, которые иногда позволяют сделать противоположный вывод.

Действительно, новый объект гражданского права — это прежде всего новый правовой режим, поэтому, если новый правовой режим отсутствует, невозможно говорить, что в гражданском праве появился новый объект.

Проблема заключается в том, что категория «цифровое имущество» (или «цифровые активы») представляет собой собирательное понятие — группу разнородных объектов гражданского права, которые объединяет одно серьезное

¹⁵ Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7—29.

¹⁶ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7—29.

¹⁷ Суханов Е. А. Указ. соч.

обстоятельство — все они являются «жертвами» цифровизации экономики, которая либо породила их заново (цифровая валюта, в том числе криптовалюта, картины, созданные искусственным интеллектом, «произведения» ChatGPT, игровое имущество и т.п., и с этим смысле — они новые объекты), либо серьезно исказила их изначальную суть (цифровые финансовые активы), что настоятельно требует их специального правового регулирования.

Однако вся аргументация, приведенная в работе автора, касается одного из этих объектов (цифровых финансовых активов), а вывод о правовой природе на основе проведенного анализа делается в отношении другого объекта (цифровой валюты, криптовалюты). Иначе как объяснить, почему цифровые финансовые активы, которые в законе названы цифровыми правами, следует считать правами из «натуральных обязательств», если автор доказывает, что это ценные бумаги. Вряд ли следует отказываться от защиты в судебном порядке «права из бумаги». Между тем вывод о признании натуральными обязательствами правоотношений, предметом которых является цифровая валюта (криптовалюта), в принципе имеет право на существование.

Для начала рассмотрим правовую природу цифровых финансовых активов.

Следует вспомнить, что в отношении классических ценных бумаг исследователи всегда выделяли два разных вида гражданских прав: «право на бумагу» и «право из бумаги», которые «нормально имеют одну и ту же судьбу»¹⁸. В процессе дематериализации ценных бумаг вместе с «бумагой» исчезло и «право на бумагу» в своем классическом понимании, оно видоизменилось. Поэтому бездокументарные ценные бумаги уже представлены не в виде «бумаг», а в виде записей по счетам депо. Однако «право из бумаги», как и виды таких «ценных прав» (корпоративные, обязательственные) остались.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона о цифровых правах цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Законом о цифровых правах, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Отсюда следует, что цифровые финансовые активы представляют в распределенном реестре «права из бумаги», которые в Законе названы «цифровыми правами».

Однако цифровые финансовые активы существуют не в виде бумажного документа установленной формы, как классические ценные бумаги, не в виде записи на счете депо, как бездокументарные ценные бумаги, а в виде токена.

Поэтому обоснован вывод, что цифровые финансовые активы — это разновидность токенов, которые выполняют в распределенном реестре функцию фиксации прав из корпоративных и обязательственных ценных бумаг.

¹⁸ Агарков М. М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М. : Бек, 1994. С. 178.

В связи с этим правильнее было бы сказать, что речь идет о токенах на цифровые права, а не признавать сами цифровые финансовые активы цифровыми правами.

Однако токен как таковой не может содержать в себе «прав из бумаги», так как в нем нет текста. В отличие от классической ценной бумаги, в которой «право из бумаги» прямо следовало непосредственно из реквизитов бумажного документа, токен не может иметь такого содержания, поскольку токен — просто цифра. Вместе с тем права, удостоверяемые токенами, могут следовать, например, из решения о выпуске ценных бумаг, проспекта ценных бумаг и подобных документов.

В результате токен просто «связывает» конкретные «ценные права» с конкретным правообладателем и получается: кому принадлежит токен, тому принадлежит и соответствующая виртуальная ценная бумага (акция, облигация и т.п.). При этом мы получаем видоизменное «право на бумагу», т.е. в данном случае — право на токен. Значит, надо сначала установить, что правообладателю принадлежит определенное количество цифровых финансовых активов, или токенов («право на бумагу»), а затем определять, какие «ценные права» они удостоверяют («право из бумаги»). Так же, как и в отношении классических ценных бумаг, необходимо, чтобы они имели «одну и ту же судьбу»¹⁹.

Поскольку право на токен отличается от прав, которые он удостоверяет, различается и правовое регулирование указанных прав. Права на токены (иначе — аналог «права на бумагу») регулируются Законом о цифровых правах, а права, которые они удостоверяют (иначе — аналог «права из бумаги») — могут регулироваться, например, Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», ГК РФ, если, конечно, это не противоречит специальному правовому регулированию цифровых финансовых активов, с которыми связаны «права из бумаги».

Таким образом, правовой режим токенов на виртуальные ценные бумаги (цифровые финансовые активы) и «прав из бумаги» (акции, облигации) различаются. Следовательно, необходимо повторить ранее сделанный вывод: цифровые финансовые активы (токены) являются самостоятельным объектом гражданского права, требующим самостоятельного правового регулирования.

В частности, ч. 2 ст. 1 Закона о цифровых правах предусматривается, что выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. На сегодняшний день это и есть специальный правовой режим цифровых финансовых активов (токенов на виртуальные ценные бумаги), который позволяет отнести такие токены (или цифровые финансовые активы) к самостоятельным объектам гражданского права в полном соответствии с позицией Е. А. Суханова. Однако такой правовой режим токенов на виртуальные ценные бумаги считаем недостаточным. Представляется необходимым выявить общие черты любых видов нематериального имущества, учитываемого посредством распределенных реестров, и урегулировать их оборот по одинаковым правилам.

¹⁹ Агарков М. М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. С. 178.

Нельзя также согласиться с мнением о том, что любые особенности правового регулирования цифрового имущества должны быть только предметом регулирования публичного права. В данном случае речь идет не только об эмиссии виртуальных ценных бумаг, но также об их обращении на вторичном рынке, т.е. о правовом регулировании действий юридически равных продавцов и покупателей виртуальных ценных бумаг, которые взаимодействуют посредством информационной системы, в которой ведется распределенный реестр. Эти общественные отношения должны входить в предмет гражданского права.

И, наконец, вряд ли цифровые права, возникшие в результате выпуска цифровых финансовых активов, следует рассматривать как права из натуральных обязательств, учитывая, что в правовом режиме цифровых финансовых активов нет ни одного признака, характерного для *naturalis obligatio*.

Как известно, основным признаком *naturalis obligatio* следует считать отсутствие у кредитора возможности обеспечить принудительное исполнение прав из *naturalis obligatio*. В римском праве оно было признано неисковым обязательством. Однако, несмотря на это, в литературе отсутствовало однозначное мнение, что *naturalis obligatio* является юридически несуществующим²⁰.

Такой же вывод следует из ст. 3 книги 6 Гражданского кодекса Нидерландов. Согласно последней натуральным признается обязательство, которое не может быть исполнено в принудительном порядке. Натуральное обязательство возникает в двух случаях: 1) когда закон лишает обязательство принудительной защиты; 2) когда одно лицо принимает перед другим лицом моральное обязательство, лишенное принудительной защиты. При этом согласно п. 1 ст. 5 Гражданского кодекса Нидерландов натуральное обязательство может быть преобразовано в обычное обязательство путем заключения между кредитором и должником договора о принудительном исполнении²¹.

Статья 1554 Гражданского кодекса Квебека также исходит из того, что натуральное обязательство создает правовую связь между кредитором и должником. Согласно ее редакции уплаченное в отсутствие обязательства может быть потребовано обратно. Нельзя, однако, требовать возврата платежа по добровольно исполненному натуральному обязательству²².

В Законе о цифровых правах содержится иное правило. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 6 Закона о цифровых правах оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан обеспечить внесение (изменение) записей о цифровых финансовых активах на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа, в том числе постановления судебного пристава-исполнителя, актов других органов

²⁰ Полемику по этому вопросу см.: *Савиньи Ф. К.* Обязательственное право. М., 1876. С. 25 и сл.

²¹ *Nieuw Nederlands burgerlijk wetboek het vermogensrecht (zakenrecht, verbintenissenrecht en bijzondere overeenkomsten) // New Netherlands civil code: patrimonial law (property, obligations and special contracts / translated by P. P. C. Haanappel, Ejan Mackaay = Nouveau code civil Neerlandais: le droit patrimonial (les biens, les obligations et contrats particuliers/ traduit par P. P. C. Haanappel, Ejan Mackaay. Deventer ; Boston ; The Netherlands, 1990. P. 235—236.*

²² Гражданский кодекс Квебека. М. : Статут, 1999. С. 242.

и должностных лиц при осуществлении ими своих функций, предусмотренных законодательством РФ, либо выданного в порядке, предусмотренном законом, свидетельства о праве на наследство, предусматривающего переход цифровых финансовых активов определенного вида в порядке универсального правопреемства, не позднее рабочего дня, следующего за днем получения соответствующего требования таким оператором информационной системы.

Таким образом, права на цифровые финансовые активы подлежат судебной защите. Следовательно, их нельзя признать *naturalis obligatio*.

Иной вывод может быть, на первый взгляд, сделан применительно к решению проблемы о признании цифровой валюты *naturalis obligatio*. Для этого имеется следующее основание.

Так, в соответствии с ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых правах требования лиц, являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации (перечислены в ч. 5 ст. 14 Закона о цифровых правах), связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством РФ о налогах и сборах.

Таким образом, требования правообладателей цифровой валюты, связанные с обладанием цифровой валютой, все же подлежат судебной защите, если такие правообладатели вовремя уведомили налоговые органы. Если правообладатели не уведомили налоговые органы о том, что в составе их имущества имеется цифровая валюта, то отказ в предоставлении судебной защиты выглядит, скорее, как санкция за нарушение нормы публичного права.

Поэтому вывод о том, что цифровая валюта это *naturalis obligatio*, выглядит достаточно спорно.

Полагаем, что концепция *naturalis obligatio* не может быть использована для определения правовой природы цифровой валюты. Допустим, что правообладатель не уведомил налоговые органы об обладании цифровой валютой и заключил договор займа в цифровой валюте с заемщиком. В этом случае договор займа цифровой валюты, которую не вернул заемщик, можно будет рассмотреть как *naturalis obligatio*, поскольку займодавцу будет отказано в судебной защите. Однако этот вывод не позволяет утверждать, что *naturalis obligatio* является сама цифровая валюта, которая является предметом договора займа.

К сожалению, в нашей доктрине бытует ошибочное разделение всех объектов гражданского права фактически на две группы — вещи и имущественные права, если, конечно, анализируемый объект невозможно отнести к «результатам работ и оказания услуг; охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальным благам» (ст. 128 ГК РФ). В результате группа объектов гражданского права под названием «имущественные права» превратилась в некую запасную юридическую группу объектов гражданских прав, в которую новый объект права помещается всякий раз, когда он не может быть отнесен к иным группам.

Получается, что если какой-либо объект имеет физическую форму, то это вещь. Все остальные объекты объявляются имущественными правами. При этом

почти никто из исследователей не желает уточнить, о каких имущественных правах идет речь, что является объектом таких прав, кто является обязанным лицом, какова природа этого права, и т.п. В крайнем случае в качестве имущественного права указывают обычно на обязательственные права, а далее примеров никто не привел.

Предложение о признании цифровой валюты в качестве *naturalis obligatio* выглядит достаточно бесперспективно, учитывая, во-первых, что некоторые виды цифровых валют (отдельные криптовалюты), учитываемые на публичных блокчейнах, которые не имеют единого оператора платформы, невозможно объявить правами (требованиями) из любых обязательств, в том числе из *naturalis obligatio*, из-за отсутствия обязанного лица. Рассматривать их как некое иное «имущественное право» также сложно, учитывая, что никто не может уточнить, какова природа этого права. Если это право, то право на что?

Из указанной проблемы возникла идея о существовании иных объектов гражданского права, которые не имеют вещественной формы, не могут быть отнесены ни к одному из известных гражданскому праву объектов и могут быть объектом общественных отношений между правообладателем и всеми третьими лицами. Такие объекты и были названы нематериальным имуществом.

В связи с этим необходимо поспорить с мнением о том, что цифровые права являются цифровой формой «обязательственных и иных прав, причем не всех, а лишь прямо названных в таком качестве законом (“принцип легалитета”, закрепленный п. 1 ст. 141.1 ГК РФ)»²³. Разумеется, мы признаем «принцип легалитета», однако такой вывод был сделан нами не *de lege lata*, а *de lege ferenda*. Дело в том, что общественные отношения по поводу нематериального имущества между его правообладателем и всеми третьими лицами действительно существуют²⁴. Их, конечно, можно не замечать, но это не идет на благо российскому праву. Будучи урегулированными правом, эти общественные отношения станут абсолютными правоотношениями, а российское право в этой части перестанет отставать по жизни.

Отвергаем также обвинения в попытке неудачно перенести в российское право чуждую ему англо-американскую доктрину *digital property*. Интересно, что потребность как-то объяснить природу отношений между владельцами нематериального имущества и всеми третьими лицами давно ощущают не только в России, но и в других странах континентального права. Например, 03.06.2021 в Германии был принят Закон о введении электронных ценных бумаг (*Gesetz zur Einführung von elektronischen Wertpapieren (eWpG)*). Закон предусматривает возможность выпуска электронных облигаций на блокчейне. В соответствии с ч. 3 § 2 eWpG «электронная ценная бумага считается вещью в понимании статьи 90 Гражданского кодекса». Используя фикцию электронной ценной бумаги как вещи, законодатель стремится распространить на электронные ценные бумаги правовые последствия передачи электронной ценной бумаги, которые предусмотрены вещным правом для передачи вещей.

²³ Суханов Е. А. Указ. соч. Разд. 4. Выводы.

²⁴ Отчасти это подтвердил в свое время М. М. Агарков. См.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Т. 2. С. 38.

Таким образом, речь не идет о бездумном перенесении в российскую доктрину и право чуждых им иностранных концепций. Речь идет только о предложении, сделанном в адрес континентальных юристов, открыть дискуссию о том, как урегулировать общественные отношения между правообладателем нематериального имущества и всеми третьими лицами, не выходя за пределы канонов доктрины континентального частного права.

На основании изложенного представляется обоснованным подтвердить ранее сделанные нами выводы.

1. В тех случаях, когда токен может быть квалифицирован как самостоятельный объект гражданского права (цифровая валюта, в том числе криптовалюта, цифровые финансовые активы как токены на виртуальные ценные бумаги), он становится предметом различных правоотношений — как абсолютных, так и относительных.

2. Относительные права на токены второй группы (т.е. токены на имущество, которые существуют только в киберпространстве) являются традиционными (например, обязательственные права).

3. Абсолютное право на токены второй группы может быть определено как право владеть, пользоваться и распоряжаться цифровым имуществом наиболее абсолютным образом, независимо от лица постороннего. Таким образом, по своему содержанию это абсолютное право близко подходит к праву собственности либо к исключительному праву, хотя не относится к указанным правам ввиду того, что объект такого права не является ни вещью, ни результатом интеллектуальной деятельности человека. Иными словами, речь идет об абсолютном праве на цифровые активы, для которого в доктрине континентального права не существует названия. Поэтому абсолютное право на цифровые активы должно быть определено как новое абсолютное право.

4. Цифровое имущество, представленное в распределенном реестре токенами второго вида, является разновидностью нематериального имущества (*res incorporales*), основными признаками которого следует считать отсутствие вещественной формы и способность становиться объектом абсолютных правоотношений между правообладателем и всеми третьими лицами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — М. : Статут, 2002. — Т. 2 : Общее учение о обязательствах и его отдельных видах. — 452 с.
2. *Агарков М. М.* Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. — М. : Бек, 1994. — 350 с.
3. *Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. — 2020. — № 11.
4. *Савиньи Ф. К.* Обязательственное право / пер. с нем. и предисл. В. Фукс и Н. Мандро. — М., 1876.
5. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — Т. 21. — № 6. — С. 7—29.

6. Цифровое право в банковской деятельности : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М. : Проспект, 2021. — 416 с.
7. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав / А. Гузнов, Л. Михеева, Л. Новоселова [и др.] // Закон. — 2018. — № 5.
8. Янковский Р. М. Государство и криптовалюты: проблемы регулирования // Московский государственный университет , 2017. URL: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf>.
9. *Daniel Haeblerli, Stefan Oesterhelt & Urs Meier*. Homburger. Switzerland // Blockchain & Cryptocurrency Regulation. — 1st ed. — Zurich, Switzerland : Contributing Editor Josias Dewey, 2019. — URL: https://media.homburger.ch/karmarun/image/upload/homburger/h1tl5_1tm-gli-blch1_ch.pdf.
10. Legal statement on cryptoassets and smart contracts UK Jurisdiction Taskforce. The LawTech Delivery Panel. UK Jurisdiction Taskforce. 2019. P. 7 / Sir Geoffrey Vos (Chancellor of the High Court and Chair of the UKJT) ; Lawrence Akka QC (Twenty Essex) ; Sir Nicholas Green (Chair of the Law Commission of England and Wales, as an observer) [et al.] // URL: https://35z8e83m1ih83drye280o9d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2019/11/6.6056_jo_cryptocurrencies_statement_final_web_111119-1.pdf.